

Бай Мяомяо была резко оттолкнута им, после чего с невозмутимым выражением лица вернулась в прежнюю позу, скрестив ноги. Она загадочно, но пристально посмотрела на Цзян Мэнлиня, покачала головой и произнесла:

— Ладно, моя любимая наложница в последнее время не в лучшей форме. Давай отложим ночное служение на другой день!

Сказав это, она склонила голову набок, ударилась о окно и мгновенно уснула.

Даже когда они уже были дома, на лице Сун Цинсюя все еще читалось недовольство.

Цзян Мэнлиня, которого он поддерживал, словно императрицу-мать, усадили на диван, после чего Сун Цинсюй вышел за лекарствами.

Болезнь была не слишком серьезной — лишь легкая температура. Цзян Мэнлинь сам посмотрел на градусник: 38,2 градуса. Ничего страшного, только кашель был довольно сильным. Приняв лекарства и уложенный в постель, он начал прогонять Сун Цинсюя:

— Иди спать. Не знаю, заразно ли это. Завтра тебе нужно в Военный совет, не стоит отвлекаться на ерунду.

Сун Цинсюй проигнорировал его слова, снял куртку и лег рядом, тихо сказав:

— Я останусь с тобой на ночь. Если ночью снова поднимется температура, это будет плохо. Если почувствуешь себя хуже, просто позови. Я буду рядом.

Сказав это, он принял ту же позу, что и раньше, когда они спали вместе. Цзян Мэнлинь был человеком, который чувствовал себя неуверенно. Его поза во сне была не очень хорошей: если рядом было что-то, за что можно было ухватиться, он обвивался вокруг этого, как осьминог. Если же он спал один, то сворачивался в клубок, как кошка, в каком-нибудь углу. Его кровать была большой, и несколько дней назад, когда Сун Цинсюй зашел ночью выключить кондиционер, он увидел эту почти мазохистскую позу. С тех пор они стали спать вместе.

В принципе, ничего страшного в этом не было — оба были мужчинами, и лежать вместе не означало забеременеть. Но Цзян Мэнлинь был геем, и это уже было не совсем правильно.

Цзян Мэнлинь сам не понимал, как он согласился на это, но спать вместе было довольно приятно. Не нужно было включать кондиционер, тепло их тел согревало друг друга. У него самого не возникало никаких двусмысленных мыслей, и их отношения сводились к простому разговору и сну под одним одеялом.

Поэтому Цзян Мэнлинь не стал церемониться. Сун Цинсюй раскрыл объятия, и он лег, прислонившись к его плечу. Сун Цинсюй обнял его, немного крепче, чем обычно, но в пределах допустимого для Цзян Мэнлиня.

Выключив свет, они некоторое время лежали в тишине, пока Сун Цинсюй не заговорил:

— Эта женщина не подходит.

Цзян Мэнлинь вздохнул с раздражением:

— Почему ты не можешь поверить? У нас с ней ничего нет... Мы просто привыкли так шутить.

— Как можно так шутить? — Сун Цинсюй был явно не согласен. — Обниматься и целоваться —

это то, что делают только в спальне.

Цзян Мэнлинь закатил глаза:

— Ты просто деревенщина. Сегодня я хотел сводить тебя в ночной клуб, чтобы ты посмотрел. Уверен, это было бы куда интереснее, чем ваши старые публичные дома... Ты так долго в армии, неужели тебя совсем не тянет?

Сун Цинсюй напрягся, и лишь через некоторое время он смог ответить:

— ...Это неприлично...

— Да брось ты, — Цзян Мэнлинь не воспринимал его всерьез, насмешливо продолжая. — Ты ведь не девственник? Все-таки ты из прошлого... У тебя раньше не было опыта? Мы спим вместе так долго, а ты даже не мастурбировал? Ты что, аскет?

Сун Цинсюй слегка пошевелился, и свет у изголовья зажегся.

Цзян Мэнлинь зажмурился от яркого света, нахмурившись:

— Что ты делаешь? Давай спать!

Сун Цинсюй приподнялся, без выражения лица навис над Цзян Мэнлинем и, глядя на него с тяжелым взглядом, произнес:

— Ты ходишь на вечеринки... чтобы заниматься этим? Где ты научился таким вещам? Не стоит говорить об этом вслух, это неправильно.

Цзян Мэнлинь закатил глаза, понимая, что тот снова все неправильно понял.

Цзян Мэнлинь был человеком с повышенными требованиями к чистоте. Хотя он и пробовал женщин, его ориентация все же склонялась к мужчинам. Когда он выходил выпить, он не занимался беспорядочными связями.

Во-первых, у него пока не было настроения разбираться с вопросами чувств.

Во-вторых, гомосексуальность все еще не была чем-то, что можно было открыто обсуждать. Чжао Бао, хоть и был геем, все равно постоянно заводил подруг и ходил с ними в отели. Если бы Цзян Мэнлинь открыто искал партнеров, это могло бы плохо сказаться на его репутации...

К тому же, все эти мужчины, которых он видел в барах, были слишком женственными, и у него просто не возникало желания. Поэтому он не настаивал. Даже если это был бы одноразовый секс, он предпочитал чистых партнеров.

Что касается мастурбации...

Он уже достаточно уставал на работе, и у него не было объекта для фантазий, так что и желания не возникало. Утром иногда было неловко, но после умывания все само собой успокаивалось.

Но сейчас Сун Цинсюй явно был не в духе...

Цзян Мэнлинь прищурился, невольно задумавшись: что он имеет в виду?

Неужели он считает его ребенком?

— Ты действительно девственник? — Высокая температура сделала Цзян Мэнлиня немного заторможенным. В обычное время он бы никогда не сказал таких провокационных слов, но сейчас он не только сказал, но и с улыбкой добавил:

— Боже мой, сколько тебе лет? Ты действительно никогда не пробовал? Ты умеешь? Неужели ты даже не мастурбировал, не может быть?!

— Как это возможно?! — Даже самый спокойный мужчина не может вынести сомнений в своей состоятельности. Хотя Сун Цинсюй действительно был девственником, он был еще и очень гордым человеком, поэтому он разозлился. — Я... Я многое видел, но я не такой, как ты, чтобы болтать об этом на каждом углу! Зачем обсуждать такие вещи?

Цзян Мэнлинь почувствовал тяжесть в груди и почему-то расстроился.

— Хм... — Он прищурился, чувствуя, что зрение начинает мутнеть, но все же продолжил. — Многое видел? Какая удача! Только вот интересно, кого ты видел — мужчин или женщин?

Сун Цинсюй на мгновение замолчал, но Цзян Мэнлинь был слишком сонным, чтобы заметить его покрасневшие уши, и услышал только его сдержанный ответ:

— Конечно... женщин... Какое удовольствие может быть от мужчин?

В понимании Сун Цинсюя, гомосексуальность была чем-то вроде объятий, как у братьев из мультфильма. Хотя он и не имел опыта с женщинами, но, вспоминая разговоры своих старших братьев, он добавил для солидности:

— Мужчины жесткие, в них нет никакого интереса!

Лицо Цзян Мэнлиня мгновенно потемнело.

Он был геем, и хотя внешне он делал вид, что ему все равно, внутри он не мог не переживать о возможной дискриминации.

Если бы это сказал кто-то посторонний, это было бы не так страшно, но когда такие слова произносит близкий человек, это ранит гораздо сильнее.

Цзян Мэнлинь усмехнулся, и в его сердце вспыхнул гнев:

— Жесткие мужчины? Ты никогда не был с мужчиной, правда? Почему мужчины должны быть жесткими?

Сун Цинсюй тоже был раздражен откровенными разговорами Цзян Мэнлиня. Хотя он понимал, что тот болен, и ему нужно было уступить, он не мог не попытаться объяснить, что такие разговоры неправильны. Но его предыдущие попытки потерпели неудачу, поэтому он мог только возражать:

— Что в этом хорошего? Ты же сам спрашивал меня, что самое привлекательное в женщине? У мужчин есть грудь? Есть мягкая и большая грудь?

— У мужчин нет! — Цзян Мэнлинь наконец вышел из себя, протянув руку к паху Сун Цинсюя, схватил что-то важное и холодно усмехнулся. — Но я тебе скажу, даже без груди, мужчина может довести тебя до оргазма!

Сун Цинсюй, схваченный за самое уязвимое место, замер, не решаясь пошевелиться. Он хотел что-то сказать, но Цзян Мэнлинь начал активно работать рукой, применяя все свои навыки.

Сун Цинсюй сразу же потерял контроль над дыханием, повернул голову и с ужасом посмотрел на Цзян Мэнлиня. Тот встретил его взгляд, уголки губ изогнулись в холодной улыбке, и он резко отпустил, пнув его к изножью кровати.

Сун Цинсюй, не ожидавший такого, перекатился пару раз, прежде чем подняться. Он лежал у изножья кровати, растерянно глядя в сторону изголовья, где Цзян Мэнлинь быстро снял свой халат, обнажив стройное белое тело, но на его лице была зловещая улыбка.

<http://bllate.org/book/16657/1526887>